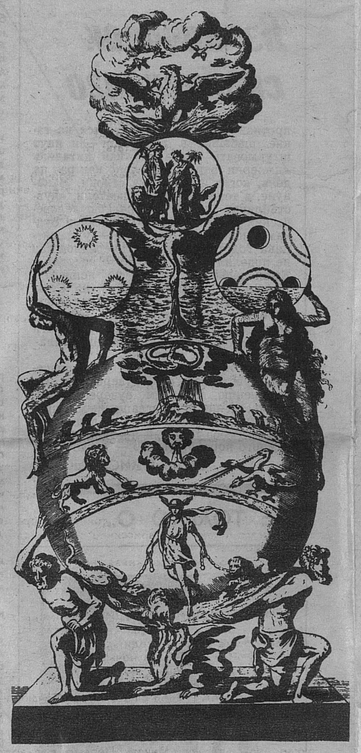
18.06.92

Ибрагимбеков Рустам

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ, Никита МИХАЛКОВ

СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

(ОТРЫВОК ИЗ КИНОРОМАНА)



(Продолжение. Начало на 1-й стр.).

НАЗАРОВ **(кричит в нос)**. Юнкер-ра-а! Короткими перебежками!..

Алибеков протяжно, с шиком свистит, изображая звук летящего снаряда.

ТОЛСТОЙ. Бу-у-ух!..

...Даже тесно прижавшись друг к другу, пятеро юнкеров занимают почти все пространство купе Джейн. За дверью слышны быстрые шаги и голос проводника.

Поливевский, выждав, пока голос проводника удалился, просительно прижал руку к груди.

ПОЛИВЕВСКИЙ **(шепотом)**. Сударыня, извините, нас прислали. Охрана...

Джейн, оторвавшись от книги, с удивлением смотрит на юнкеров.

ДЖЕЙН **(по-английски)**. Кто вы? Что вы хотите?

Юнкера переглянулись и уставились на Толстого. Поливевский зашептал ему на ухо.

ТОЛСТОЙ **(переводит его на английский)**. Мы охрана. Мы охрана, сударыня, нас прислали. Здесь маньяк, Синяя Борода. Выдает себя за немца! У него сообщник — чернокожий.

ДЖЕЙН. Абиссинский князь?

ПОЛИВЕВСКИЙ. Это его кличка!

Алибеков выставил из-за спины Бутурлина растопыренные пальцы обеих рук.

АЛИБЕКОВ **(хрипло, на ломаном английском)**. Десять жертв, мисс...

БУТУРЛИН **(по-русски)**. Все певицы!..

ТОЛСТОЙ **(по-английски)**. Все певицы...

ДЖЕЙН. Певицы?..

ТОЛСТОЙ. Да. Вам все понятно?

ДЖЕЙН. Да.

Неожиданно она начинает очень громко петь арию из «Нормы» Беллини. Лица давящихся от смеха юнкеров мгновенно становятся серьезными.

Юнкера, как по команде, поворачиваются к двери. По одному выскакивают из купе. Бутурлин, Назаров, Алибеков... Поливевский, перешагнув порог, оглядывается на Толстого.

ПОЛИВЕВСКИЙ. Толстой! Оставешься нести охрану!

Дверь захлопывается перед носом Толстого. Джейн продолжает петь.

...В коридоре, сбившись в кучу, юнкера давятся от смеха.

Джейн продолжает петь. Толстой безуспешно толкается в запертую снаружи дверь. Джейн умолкает. Чувствуя спиной ее взгляд, Толстой поворачивается к ней.

ДЖЕЙН. Садитесь.

ТОЛСТОЙ. Спасибо. Ничего. Я не хотел бы вас стеснять...

ДЖЕЙН **(улыбается)**. Не слишком ли поздно вас это забеспокоило? Садитесь...

Толстой послушно присаживается на край дивана. Начинает разворачивать башлык.

ДЖЕЙН. Судя по вашему бравому виду — вы военный?

ТОЛСТОЙ. Будущий. Я учусь в юнкерском училище. Разрешите представиться?

Он привстает, придерживая рукой тяжелую «бердану».

ТОЛСТОЙ. Андрей Толстой!

ДЖЕЙН. Как?!

Она с улыбкой поворачивает книгу обложкой к Андрею. Смотрит на него вопросительно.

ТОЛСТОЙ **(почти оправдываясь)**. Нет, я не имею никакого отношения... И министр внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой мне не родственник... Я из других Толстых.

ДЖЕЙН. «Анна Каренина», вы читали?

ТОЛСТОЙ. Нет. Слышал, но пока не успел...

ДЖЕЙН **(после паузы)**. Вам удобно сидеть?

ТОЛСТОЙ **(удивленно)**. Удобно...

И тут, догадавшись, привстает и обнаруживает, что сидел на веере старинной работы с отделкой из серебра. Придавленная им ручка треснула.

ТОЛСТОЙ. Извините, я не заметил. Я починю...

ДЖЕЙН. Не беспокойтесь, я сама виновата. Можете снять шинель, здесь довольно жарко...

Толстой вытирает рукой пот со лба.

ТОЛСТОЙ. Ничего, скоро приедем. Мы с зимних стрельбищ едем.

ДЖЕЙН **(улыбаясь)**. Стрельба по маньякам?!

ТОЛСТОЙ **(смущенно)**. Извините, это была не очень удачная шутка...

ДЖЕЙН. А отчего ваши друзья так испугались, когда я запела? У вас не жалуют итальянскую оперу?

ТОЛСТОЙ. Напротив, у нас в училище своя опера, мы в ней поем!..

ДЖЕЙН. Вы тоже?

ТОЛСТОЙ. Да.

ДЖЕЙН **(с интересом)**. И что вы поете?

ТОЛСТОЙ. Сейчас мы ставим «Женитьбу Фигаро».

ДЖЕЙН. И какую партию исполняете вы?

ТОЛСТОЙ **(не без гордости)**. Фигаро!

ДЖЕЙН. Я и подумать не могла, что в России знают Моцарта. Просто не верится.

ТОЛСТОЙ **(с искренним удивлением)**. Почему?

ДЖЕЙН **(смутившись)**. Ну среди военных, я имела в виду. У меня к вам просьба: спойте что-нибудь.

...В просторных сенях вагона юнкера продолжают веселиться. Назаров ест бублик, Алибеков курит папироску.

БУТУРЛИН **(давясь от смеха)**. И тут Толстой наводит на нее свою «бердану» и заявляет...

НАЗАРОВ **(кого-то изображая)**. Я и есть Синяя Борода!..

БУТУРЛИН. Мисс сопротивляется, но Толстой неумолим...

НАЗАРОВ **(туповато)**. Отчего она запела, господа?

ПОЛИВЕВСКИЙ. От восторга, Назаров.

АЛИБЕКОВ. Я бы на ней женился!..

Все замолкают, потому что в глубине вагона возникает громкое пение. На этот раз поет мужской голос. Изумленные юнкера узнают голос Толстого. Поливевский с усмешкой смотрит на Алибекова.

ПОЛИВЕВСКИЙ. Поздно, князь.

Перрон вокзала в Петербурге. Зима 1885 года.

Снуют артельщики, груженные баулами, саквояжами, появились жандармы — во всем чувствуется та суета, какая бывает на вокзалах перед приходом поезда. У входа в здание вокзала строится духовой оркестр. Среди публики моложавый господин в бобровой шубе и шляпе, с цветами в руках. Легкой, прыгающей походкой к нему подходит сухонький старичок с прокуренными усами, по виду отставник. Он с хрустом, аппетитно жует.

ОТСТАВНИК **(по-английски, с удовольствием)**. Напрасно отказались! Чудесная водка и огурчик нежинский отменный.

Господин в шубе нервно посмотрел на часы и неожиданно протянул отставнику руку ладонью вверх.

ОТСТАВНИК. Вам что?

РОБЕРТО. Сдачу.

Отставник удивленно моргал белесыми ресницами.

РОБЕРТО **(объясняя)**. Я дал вам целковый! Рюмка водки и огурец стоят тридцать копеек.

ОТСТАВНИК **(сразу)**. Шестьдесят.

РОБЕРТО. Почему?

ОТСТАВНИК. Я дуплет-с исполнил. Двойной комплект.

РОБЕРТО. Все равно, отдайте сдачу.

ОТСТАВНИК. Экой вы все-таки, прости господи, немец. Настоящий иноземец.

Он с досадой возвращает сдачу, а господин в шубе пунктуально пересчитывает ее.

РОБЕРТО. Не смейте называть меня немцем. Я американец!

Он посмотрел в сторону оркестра.

РОБЕРТО. Посмотрите-ка, это не он? Не великий князь?!

На перроне появляется дородный генерал, рядом с ним, видимо, его адъютант.

ОТСТАВНИК **(подозрительно)**. Ну что вы, батенька! Это свинья Радлов, начальник Алексеевского училища!

РОБЕРТО. А вы уверены, что великий князь Алексей Александрович приедет?

ОТСТАВНИК. Кому же еще принца абиссинского встречать?

Господин в бобровой шубе вытаскивает из внутреннего кармана фотографию, на которой мы видим Джейн: очень молодую, с короткой стрижкой и мало похожую на Джейн сегодняшнюю. Господин вглядывается в фотографию.

ОТСТАВНИК. Ну что вы все ею любуетесь?! Увидите сейчас...

Господин в шубе, бросая недовольно взгляд на старичка, прячет фотографию.

Капитан Фокин, по прозвищу Додон, возник в вагоне «Микст» неожиданно. Быстро прошел в сени, где продолжали дурачиться юнкера. Первым Додона заметил Поливевский. Издал свистящий звук снаряда, за которым последовал «бухающий» взрыв — его изобразил Бутурлин.

ПОЛИВЕВСКИЙ. Попались!

Юнкера вытянулись. Алибеков сунул горящую папироску в карман шинели.

ФОКИН. Алибеков, у вас дым идет, сгорите, а заодно и вагон спалите. Кто еще курил? Стыдно, господа, при оружии, в форме и, как гимназисты, за бубликами носитесь! Цвет нации, офицерство! Всем двое суток карцера с исполнением служебных обязанностей. Алибекову еще сутки за курение. Марш в свой вагон!

Юнкера щелкнули каблуками.

ФОКИН. Стоп! Одного нет! Где Толстой?

БУТУРЛИН. У «Анны Карениной».

ФОКИН. Бутурлин, одно дневальство без очереди.

БУТУРЛИН. За что?

ФОКИН. За «Анну Каренину»! Где Толстой?

АЛИБЕКОВ **(тихо, под нос)**. В Ясной Поляне...

Джейн сидит у окна и ест бублик. Закончивший петь Толстой стоит у двери.

ДЖЕЙН. Вы прекрасно поете. Садитесь... Что вы стоите?

ТОЛСТОЙ **(переводя дыхание)**. Спасибо. Стесняясь, садится на краешек дивана.

ДЖЕЙН. Хотите вина?

Толстой сперва колеблется, затем решается.

ТОЛСТОЙ. Вина?.. Вообще-то... С удовольствием!

Начинает откупоривать бутылку шампанского, стоящую на столике

ДЖЕЙН. Скажите, а что означает «Великий князь»? Это должность?

Толстой неумело возится с бутылкой.

ТОЛСТОЙ. Это член царской семьи... дети, братья царя, зятья, дяди, племянники...

ДЖЕЙН. И их много?

ТОЛСТОЙ. Человек десять или даже больше. Попечитель нашего училища — Великий князь Алексей Александрович — младший брат его величества.

Наконец пробка с шумом вылетает из бутылки. Часть пенящегося вина проливается. Толстой поспешно наполняет бокалы.

ТОЛСТОЙ. Извините.

ДЖЕЙН **(с сомнением)**. Может, вам нельзя?

ТОЛСТОЙ. Почему? У нас такое училище... У нас все пьют! А знаете, как пьют русские гусары?

ДЖЕЙН. Нет...

Толстой ставит бокал на сгиб локтя, вытягивает шею и начинает медленно подносить бокал к губам.

ТОЛСТОЙ. «Шестой к локтю!» — это называется. Ваше здоровье, сударыня.

Край бокала наконец достигает побелевших от волнения губ юнкера, и, запрокинув голову, он осушает его до дна. Джейн улыбается в знак одобрения гусарской забаве и пригубливает свой бокал. Толстой садится и начинает быстро хмелеть. Стремясь скрыть свое состояние, начинает бойко говорить, но все более и более бессвязно.

ТОЛСТОЙ. У нас все шутят. А меня, наверное, скоро выгонят... Из-за одного приват-доцента. (Он смеется). Да я бы сам ушел. Маменьку жалко. Хотите посмотреть? Вчера как раз фотографию мне прислала. Она такая красивая, настоящая актриса!..

Толстой лезет в карман мундира, вытаскивает фотографию, передает ее Джейн. На толстом паспарту, с вытесненной надписью известного фотомастера «Господина Н. А. Берштольца», мы видим еще молодую красивую женщину с пышной прической, украшенную драгоценностями, а рядом с ней — соседа Джейн по купе, юнкера Толстого, в летней военной форме.

ТОЛСТОЙ. Это в прошлом году, я только приступил... Прошу!

Он поднес горящую спичку Джейн. Прикурил сам, лихо пустив дым. Джейн незаметно вложила фотографию в книгу. В этот момент дверь купе отворилась и на пороге возник капитан Фокин, он же Додон. Из-за его спины заглядывали в купе юнкера. Вид полупьяного курящего Толстого произвел шоковое впечатление. Кто-то из юнкеров издал звук: «Ба-а-ах!»

ФОКИН. Извините, сударыня.

Бросив короткий взгляд на Джейн, он тяжело посмотрел на юнкера.

ФОКИН. Юнкер Толстой! Петербург в пяти минутах хода.

ТОЛСТОЙ **(перебивает)**. Знаю! Будьте нашим гостем, господин капитан.

Фокин еще раз взглянул на Джейн и вдруг рявкнул так, что зазвенели бокалы на столе.

ФОКИН. Встать, когда говорите со старшим по званию и своим ротным командиром!

Толстой делает попытку встать. Но то ли передумал, то ли не смог.

ТОЛСТОЙ **(миролюбиво)**. Зачем же кричать при даме, господин капитан. Хотите вина? Можно ему вина?

Это он спросил у Джейн, но уже говорил Додон.

ФОКИН **(по-английски)**. Простите, сударыня, великодушно.

Он повернулся к стоящим за спиной юнкерам.

ФОКИН. Доставьте его в наш вагон.

Он отдает честь Джейн и покидает купе.

Толстой встает, «опираясь на бердану», и тоже козыряет.

ТОЛСТОЙ. Прощайте, милостивая государыня, рад был знакомству.

ДЖЕЙН. Прощайте, господин Толстой. Как называется ваше училище?

ТОЛСТОЙ. Алексеевское.

Он делает два шага и оказывается вне купе.

Назаров закрывает за ним дверь, и Толстой уже схвачен... в крепкие объятия своих товарищей.

На перроне вокзала в Петербурге к группе господ и офицеров, собиравшихся, видимо, встречать абиссинского принца, подходит лощеный флигель-адъютант. Генерал Радлов почтительно поворачивается к нему.

РАДЛОВ. А их высочество, Алексей Александрович, еще не прибыли?

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ. Их высочество порешили не ехать, много чести! Этот абиссинец собирается инкогнито путешествовать!

Новость, что Великого князя не будет, мгновенно разнеслась по встречающей толпе.

ПОЛНЫЙ ЧИНОВНИК. Великого князя не будет. Инкогнито — арап чертов!

ХУДОЙ ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН. Это каким же манером он собирается по России инкогнито?

Встречающие стали расходиться.

ГОСПОДИН В ШАПКЕ. А ночью!..

Послышался протяжный судок паровика, из-за поворота показался поезд.

Оркестр строем уходил с перрона, встречающие абиссинского принца смешались с толпой.

Поезд медленно катил вдоль перрона.

Господин в шубе и отставник торопливо шли к международному вагону «Микст». Первым в дверях показался длинный пассажир с потертым баулом в руке. Ловко соскочив на перрон, он остановил пробегающего артельщика.

ДЛИННЫЙ **(шепотом на ухо)**. Где тут полиция поблизости, голубчик?

Артельщик показал рукой в сторону вокзала.

Появившийся в дверях плотный господин с большой коробкой в руке поспешно зашагал в противоположную сторону.

В дверях вагона появляется Джейн. С застывшей улыбкой она ищет в толпе своего отца.

РОБЕРТО. Джейн! Доченька!

ДЖЕЙН **(обрадованно)**. Папа!

Она сходит с подножки, подхваченная руками отца.

РОБЕРТО. Джейн дорогая...

Она с некоторым смущением отвечает на поцелуй.

ОТСТАВНИК. Как славно! Как славно-то!.. Сколько же вы не виделись-то?

ДЖЕЙН **(освобождаясь от объятий отца)**. Шесть, нет... семь лет!

Взволнованный отец кивает головой.

ДЖЕЙН. Папа, как же ты постарел.

РОБЕРТО **(смущенно)**. Я?!

Джейн, понимая, что сказала бестактность, меняет тему разговора.

ДЖЕЙН. В купе мои вещи.

ОТСТАВНИК **(с готовностью)**. Э, сударыня, не извольте беспокоиться. Артельщик!

Отставник скрывается в вагоне вместе с рослым артельщиком. В дверях вагона мелькает кофейное лицо кого-то из свиты абиссинского принца. Отец и дочь остаются одни.

ДЖЕЙН. Ну, папа, как дела?

РОБЕРТО **(быстро)**. Плохо! Я надеялся, тут Великий князь будет абиссинского принца встречать. Можно было... Но он не приехал.

ДЖЕЙН. Да? А кто же его встретит? Он такой маленький.

Она что-то вспомнила и улыбнулась.

ДЖЕЙН. Его зовут Синяя Борода.

РОБЕРТО **(не слушая ее)**. Истек срок выплаты кредитов.

ДЖЕЙН. Как, уже истек? А я так весело ехала...

Железнодорожные пути с тыльной стороны поезда. Из двери вагона III класса четверо друзей выгружают Толстого.

АЛИБЕКОВ. Ногами вперед не надо — он же живой!

ПОЛИВЕВСКИЙ. Осторожно, господа, мы его уроним.

ТОЛСТОЙ **(заплетающимся языком)**. В третьем лице о живом человеке! Моветон, господа!

БУТУРЛИН. Не та у вас дислокация, юнкер, про моветон рассуждать! Ну и денек.

Они обогнули поезд и увидели стоящую на привокзальной площади колонну юнкеров.

БУТУРЛИН. А генерал-то что на вокзал приперся?

ПОЛИВЕВСКИЙ. На пьяного посмотреть.

НАЗАРОВ. Ой, что будет! Господи, спаси и сохрани!

Отец и дочь идут по перрону, за которым виднеется просторная привокзальная площадь. Отставник сементит чуть сзади, за ним два артельщика тащат на себе увесистый багаж Джейн. Она болтает без умолку. Отец рассеянно улыбается.

Отставник прибавляет шаг, рад, что его приметили.

ДЖЕЙН. Вы кто? Папин помощник?

КОПНОВ **(молодцевато козыряет)**. Товарищ председателя его императорского высочества инженерно-технического комитета по изобретениям.

РОБЕРТО **(с досадой)**. Бывший.

КОПНОВ **(не слыша)**. Статский советник Павел Копнов, сударыня.

РОБЕРТО. В отставке. Это он меня сюда заманил четыре года назад. А теперь...

На площади множество саней, экипажей, кибиток. Артельщики укладывают вещи Джейн в сани, в другие — с откинутой волчьей полостью — усаживаются Джейн, отец и Копнов. Сани медленно трогаются.

КОПНОВ **(многозначительно)**. Теория сообщающихся сосудов!..

ДЖЕЙН. Я не понимаю, говорите проще.

КОПНОВ. Извольте! Да только куда же проще-то? Батюшку я вашего уговорил к нам ехать машину делать в январе осемь-десят первого. Мы в Вене познакомились на выставке успехов изобретательства. В феврале он прибыл. Подали бумаги, достали кредиты, а первого марта на Садовой улице бомбой террористы убивают его величество императора Александра Второго, царствие ему небесное...

Копнов перекрестился.

КОПНОВ **(продолжает)**. ...А еще через месяц новый наш император, Александр Третий, дай ему Бог здоровья и благополучия... **(Он снова крестится)**. Всех тех, кто при батюшке его посты занимал, уделять начал. В июне я уже в чистой отставке был, со всех должностей.

Сани их едут мимо юнкеров, построенных на площади. Генерал Радлов приветствует колонну, юнкера дружно хором отвечают. Затем, прохаживаясь вдоль строя, генерал что-то говорит им.

КОПНОВ **(задумчиво, глядя на юнкеров)**. Увлекательна наша чиновничья жизнь! Где тебя на волне вытянет, где и кто тебя пришлепнет, как муху,—никому неведомо! Вот я, дворянин, инженер, статский советник, в Лондоне учился, а ныне же нахлебником и пьяницей у вашего батюшки числюсь. А этот вот индюк, памятник этот, у которого в его лысой голове вместо мозгов ядро пудовое,— он юнкерами командует, цветом нации, на Великого князя, говорят, влияние имеет, в штальмейстеры нырнуть метит, и нырнет, всенепременнейше нырнет!

ДЖЕЙН **(неожиданно)**. Позвольте, а с чего вы взяли, что этот генерал — лысый! Мне так показалось наоборот.

КОПНОВ **(смеется)**. Ха-ха. А он мало что место чужое занимает, он еще и волосы чужие носит. У него свои — только глупость!

Юнкера стоят навытяжку. Перед строем прохаживается генерал Радлов. Мимо проносятся возки, сани, Копнов еще что-то говорит, но Джейн смотрит внимательно в их сторону: то ли на юнкеров, то ли на важного генерала.

РАДЛОВ **(важно)**. Моцарт Моцартом, господа юнкера, я тоже оперу люблю! Но ведь надобно же и дело разуметь!

Генерал встречается взглядом с юнкером Поливевским, глаза генерала теплеют, он чуть заметно кивает юнкеру. Поливевский отвечает ему едва уловимой улыбкой. Капитан Фокин почтительно слушает генерала, но одновременно зорко следит за Толстым, который в центре второй шеренги стиснут с двух сторон плечами Назарова и Алибекова. Голова Толстого слегка покачивается, словно ища равновесия, а удивленный взгляд блуждает по большому красному лицу генерала.

РАДЛОВ **(продолжая)**. ...Их высочество, Великий князь Алексей Александрович, гривенник влет пулей сшибает! А вы?! Вы, господа юнкера, изволите мимо мишеней пуделять! Это позорно! Это непатриотично, в конце концов! Каждая пуля, летящая мимо цели, попадает в спину отечества! Запомните это! Господин капитан, ведите роту домой!

ФОКИН. Слушаюсь, ваше превосходительство! Ро-та-а, нале-е-еу! Ша-гу-у-у марш!

Рота четко шагнула по утоптанному снегу.

ФОКИН. За-пе-вай!

И тут совершилось неожиданное. Из самого центра колонны вознесся над ещё не успевшей набрать дыхание ротой лихой тенор Толстого, запевшего арию Фигаро. Генерал изумленно оглядывается по сторонам. Тенор уже тонет в бравой юнкерской песне. Назаров, Бутурлин, Алибеков и Поливевский с выпученными глазами горланят походную, изо всех сил заглушая товарища. Рота уходит. Генерал так и не понял, что произошло.

На опустевшем перроне, озираясь по сторонам, стоит абиссинский принц в своем фантастическом наряде. Рядом — не менее фантастически одетые его слуги. На безопасном расстоянии от них собралась толпа мальчишек, разносчиков, артельщиков. Они тихо переговариваются и с интересом разглядывают африканского «инкогнито». Где-то вдали слышится походная юнкерская песня.

Зима 1885 года.

По Невскому проспекту катятся покрытые волчьей полостью сани. Джейн крутит головой, то и дело о чем-то спрашивает отца и Копнова.

Сани сворачивают на набережную, к заснеженной Неве, и тут неожиданно раздается сразу несколько выстрелов. Потом прохот от взрыва бомбы с мгновеньем тишины, и сразу чьи-то стоны, крики, опять хлопок выстрела. По набережной бежал полицейский.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что стали? Кому говорю: сворачивай! Сворачивай в подворотню!

Кучера засуетились, путаясь в вожжах.

Шедшие строем юнкера остановились на Невском проспекте. К ним на взмыленной лошади подскакал какой-то есаул.

ЕСАУЛ. Так, юнкера! Отлично! Скорее...

ФОКИН. Что случилось, господин есаул?

ЕСАУЛ. На одесского генерал-губернатора покушение. Лошадей перебили, охрану. Террористы где-то здесь. Прячутся! Надобно дворы скорее перекрыть.

Юнкера посерьезнели, подтянулись. Лица стали бледными и сосредоточенными. Капитан Фокин давал распоряжения, и юнкера — по двое и тройками, пригнувшись, разбегались в разные стороны, клацая затворами своих «берданок».

Протрезвевший от случившегося Толстой вместе с Полиевским и юрким Алибековым, спотыкаясь в снегу, влетели в проходной двор какого-то дома.

И тут же раздался выстрел. Пуля чиркнула по кирпичной кладке. Полиевский проскочил вперед, Алибеков рванулся в сторону, а Толстой укрылся за каким-то железным баком.

ПОЛИЕВСКИЙ **(кричит)**. Стой здесь! Прикрой нас! Я там за углом, на выходе! Алибеков, за мной!

И скользя, чуть не падая, они пробежали в сквозную подворотню. Толстой, замерев и тяжело дыша, присел, прижавшись щекой к промерзшему железу. Руки у него чуть дрожали, в голове кружилось. В это мгновение дверь черного хода скрипнула, и из нее, крадучись и озираясь, выскользнул какой-то молодой человек в черном пальто. Толстой, перебирая пальцами цевье и ложе «берданы», тихо спустил предохранитель и весь вжался в стену за баком. Человек в шляпе стал осторожно красться вдоль стены дома к подворотне. Сам того не подозревая, он все ближе и ближе подходил к Толстому. Толстой прижал щеку к прикладу и стал медленно, неслышно подниматься. На мушке появилась шляпа, щека, поросшая рыжеватой небритостью. Толстой открыл зажмуренный глаз и снова закрыл его. Человек приближался, внезапно он остановился и медленно стал поворачиваться к Толстому. Глаза их встретились. Человек стал судорожно что-то вытягивать из кармана пальто, но, видимо, что-то мешало это сделать. Толстой держал человека на мушке.

Террорист перестал сопротивляться, протянул к Толстому руки. Жалко улыбаясь, белыми трясущимися губами, он шепотом проговорил:

— Не надо, не делайте этого, пожалуйста, я больше не буду, не надо.

Продолжая что-то бормотать горячечным шепотом, все еще держа руки вытянутыми перед собой, он пятился в глубь двора и так же медленно скрылся за какой-то дверью.

Толстой опустил «бердану» и так стоял, моргая намокшими ресницами и пытаясь понять, что же это только что произошло. Донесся стук копыт, потом еще несколько выстрелов, и кто-то закричал.

ГОЛОС. Вот! Все они тут! Все! Взяли...

В проем подворотни было видно, как по набережной, подгоняемые казаками, прошли несколько человек с поднятыми вверх руками.

И еще было видно, как в другой подворотне истошно кричал человек с коробкой, которого держали двое жандармов.

ГОСПОДИН С КОРОБКОЙ. Отпустите! Что вы делаете? Этой голове четыре тысячи лет. Это мумия называется, мумия!

Жандармы заломили ему руки за спину и потащили прочь.

ЖАНДАРМ. Это ты там все расскажешь, как это называется: головы человечьи по столице империи в чемодане таскать! Надо же чего выдумал, гнида!

Вернулся Поливевский, за ним, возбужденно сверкая глазами, Алибеков.

АЛИБЕКОВ. Видели, господа! Всех поймали!

Полиевский посмотрел на Толстого.

ПОЛИЕВСКИЙ. Что с тобой?

Толстой опустил «бердану», перевел дыхание.

ТОЛСТОЙ. Ничего, замерз просто.

Возки, выехав из подворотни, продолжали свой путь. Джейн оглядывалась по сторонам на толпившихся у тротуара казаков, полицейских и каких-то людей, на перевернутую карету с отвалившимся колесом, на лежащую в снегу лошадь. Она покачала головой.

ДЖЕЙН. Весело у вас тут...

А по соседней улице уходила колонна юнкеров.

(Окончание следует).